

Дань Чао мрачно возразил:

— Аромат изыскан, послевкусие долгое, должно быть, это была редкостная красавица. И что с того?

Се Юнь закинул голову и рассмеялся.

Дань Чао и не думал вставать — ведь это он первый начал задираться, да и перед ним был человек с непостижимой глубиной. Резко подниматься могло лишь привести к новым осложнениям, поэтому он так и остался стоять на коленях на каменных плитах. Он видел, как при запрокинутой голове Се Юня длинная линия его шеи особенно четко вырисовывалась в лунном свете. Хотя этот человек никак не мог вызвать симпатии, в нем было какое-то развязное обаяние.

— Монах, — с насмешливой улыбкой спросил он, — разве ваше буддийское учение не гласит, что форма есть пустота, а пустота есть форма? Почему же ты так разбираешься в красоте, звуках и прекрасных женщинах?

Острые брови Дань Чао чуть дрогнули.

— Ты называешь себя отрекшимся от мира, выглядишь так, будто все живые существа равны в твоих глазах, а сам пребываешь в безмятежности и умеренности желаний. Но при этом ты не можешь забыть все эти мирские прелести и оковы. Ты различаешь цвета и запахи, рассуждаешь о красавицах, старые привязанности и навязчивые мысли гложут твое сердце. У тебя явно голова забита мирскими заботами, так о каком же буддийском пути ты говоришь?

Дань Чао хотел оправдаться, но слова не успели слететь с его губ, как Се Юнь беспощадно прервал его:

— Ты посмел остановить лошадь на улице и силой вытащить меня из экипажа, полагаясь лишь на боевое искусство и божественное оружие. Но перед тем, кто сильнее тебя, это бесполезно. Монах, в этом мире ничто не дается легко. Если отрекшийся от мира хочет найти ответы в мирской суете, он должен обрести положение выше, чем у других, и большую власть.

А если ты не способен на это, то что остаётся, кроме как быть пешкой в чужих руках?

Его слова постепенно растворились в холодном ночном ветре, но смысл их, словно гвозди, глубоко вонзился в сердце Дань Чао:

— Нет, вы не поняли, я...

Но Се Юнь поднял длинный указательный палец, сделав жест, призывающий к молчанию, с улыбкой повернулся и ушел.

Белый рукав его халата бесшумно описал дугу в лунном сиянии. Движение Се Юня странным образом совпало с тем, что Дань Чао видел во сне. В тот миг зрачки Дань Чао сузились, и он, не раздумывая, вскочил и схватил его за руку:

— Постойте!

Напряженно следившие за происходящим стражи тут же бросились вперед:

— Что ты делаешь!

— Как ты смеешь, отпусти!

Се Юнь поднял руку, останавливая их:

— М-м?

Дыхание Дань Чао участилось, но он продолжал пристально смотреть в глаза Се Юня, скрытые маской, и произнес, четко выговаривая каждое слово:

— Ваши наставления я услышал и в душе глубоко благодарен. Остался лишь один вопрос.

Почему вы не желаете показать свое истинное лицо?

Казалось, Се Юнь приподнял бровь, но сквозь маску разглядеть было невозможно. Лишь видно было, как на его лице промелькнуло выражение, словно ему стало интересно.

— Лезть в чужие тайны неэтично, монах, — усмехнулся он. — В юности я получил травму, и мое лицо ужасно, потому я слегка его скрываю — просто чтобы не пугать людей.

Затем он снял маску — так легко и просто — и, повернувшись, кивнул Дань Чао.

Даже со своим спокойным нравом, в тот миг Дань Чао инстинктивно ослабил хватку.

Верхняя часть лица Се Юня будто была опалена огнем, покрыта переплетенными шрамами, кожа бугристая и неровная. В лунную ночь он выглядел как призрак, одного взгляда было достаточно, чтобы трусливый человек вскрикнул от ужаса!

— Теперь не находишь, что я похож на твоего старого знакомого?

Дань Чао буквально подавился.

Се Юнь, казалось, не придавал этому значения, подмигнул, словно в шутку, затем снова надел маску и, рассмеявшись, ушел.

*

Тот легкомысленный и ветреный придворный чиновник под луной Чанъаня был словно абсурдный сон. На следующее утро, когда Дань Чао проснулся, он на мгновение не мог понять, было ли это наяву или лишь плодом его воображения.

Но реальность не дала молодому монаху времени на раздумья — в этот день был День поминовения усопших, и по традиции правящий наследный принц должен был посетить храм Цыэнь для возжигания благовоний и молитв о благословении. После утренней службы все монахи храма Цыэнь под руководством присланных дворцом евнухов воскурили благовония и в благоговейной тишине ожидали, пока в полдень не распахнулись ворота храма, не зазвучала церемониальная музыка, и величественная императорская процессия не показалась в дальнем конце длинной улицы.

Все монахи храма Цыэнь склонили головы в поклоне. Дань Чао стоял в первых рядах, со спокойной душой глядя на позолоченные плиты пола, которые с утра трижды омывали водой. Краем глаза он видел, как мимо непрерывно проходили конные ряды в ярко-желтых одеждах, как вдруг одна лошадь остановилась прямо перед ним.

Затем над головой раздался едва слышный смешок.

Звук был так быстр, что показался игрой воображения, но дыхание Дань Чао тут же прервалось.

Кто-то в процессии тихо напомнил:

— Командир Се.

Лошадь двинулась дальше, словно ничего не произошло, и никто не обратил внимания на этот маленький эпизод. Лишь Дань Чао остался стоять на месте, в его взгляде еще читалось легкое изумление, но в сердце уже начинало расплзаться странное, невыразимое чувство.

Значит, это был не сон.

Он фамилия Се.

*

После того как наследный принц совершил возжигание благовоний и завершил длительный ритуал, он сменил одежду на обычную и отправился в тихую комнату слушать наставления мастера Чжюаня. Это было новым увлечением наследного принца в последние годы. Говорили, что пару лет назад ему ночью приснилось, как золотой дракон упал в храм Цыэнь. Проснувшись, он испытал озарение и с тех пор часто покидал дворец, чтобы посетить храм. Благодаря этому храм Цыэнь значительно усилил свое влияние. Хотя он и не мог сравниться с императорским храмом, но стал весьма популярным местом среди буддистов столицы.

А был ли тот дракон во сне реальностью или же выдумкой самого наследного принца — не столь важно. С древних времен было множество случаев, когда снились драконы, фениксы или как солнце входит в лоно. Главное — создать нужный имидж, а кто станет выяснять, правда это или нет?

Все буддийские ученики, затаив дыхание, ожидали в соседней комнате. Вдруг деревянная дверь со скрипом открылась, и маленький послушник, торопливо выйдя, увидел Дань Чао, и его глаза загорелись:

— Старший брат Синь Чао! Как раз тебя ищу. Учитель говорит, что наследному принцу жаждано, и велит тебе снова подать чашу кислого фруктового супа, который ты подносил в прошлый раз. Быстрее!

Хотя у Дань Чао не было ни происхождения, ни родословной, и он был монахом, пришедшим в религию в зрелом возрасте, по счастливой случайности мастер Чжюань лично взял его в ученики, поэтому в храме Цыэнь он не был безвестным маленьким монахом.

Наверное, у всех людей есть такая странная психология: к тем, кому оказал помощь, всегда питаешь особую привязанность. Поэтому мастер Чжюань, хотя и славился своей суровостью, относился к Дань Чао неплохо, часто даже оказывая ему покровительство.

Наследный принц посещал храм Цыэнь несколько раз в год, подношения еды и напитков шли по установленному порядку, и проблем не возникало. Дань Чао отправился на маленькую кухню приготовить кислый фруктовый суп — охлажденный напиток, приготовленный из свежих персиков, дыни, киви и специй, — затем налил его в нефритовую чашу и лично понес в тихую комнату. Войдя внутрь, он увидел, что в зале восседают знатные гости в благоухающих одеждах с изящными прическами. На почетном ложе слева сидел худощавый монах Чжюань, а справа — четырнадцатилетний правящий наследный принц Ли Хун.

Справа ниже Ли Хуна сидел одетый в пурпурный одежды мужчина средних лет с круглым белым лицом. Хотя его ранг был неизвестен, судя по месту, он должен был быть приближенным наследного принца. А еще ниже сидел человек в белом парчовом халате с золотистым узором, в уголках губ которого, казалось, всегда играла располагающая улыбка, но большая часть лица была скрыта серебряной маской — да это же командир Се, тот самый, что был прошлой ночью!

Дыхание Дань Чао слегка сбилось, но на лице он ничего не показал, лишь вышел вперед, склонился и подал нефритовую чашу:

— Ваша Светлость.

Наследный принц, будучи еще юн, спросил между делом:

— А кто этот наставник? Я бывал здесь несколько раз, но тебя, кажется, не припоминаю.

Мастер Чжиюань поспешил ответить:

— Прошу прощения у Вашей Светлости — это мой ученик Синь Чао, которого я взял два года назад. Поскольку он молод и неловок, я не решался позволить ему приближаться к важным гостям, поэтому Ваша Светлость его и не видел.

Услышав это, наследный принц внимательно осмотрел Дань Чао. На его белом лице мелькнули глаза, и вдруг он хлопнул по столу со смехом:

— Вот это да, как странно! Хотя мастер и говорит, что он неловок, а мне кажется, он похож на меня. Посмотрите, господа, ведь правда?

Когда Дань Чао вошел, он почтительно опустил голову, и никто не обратил внимания на его внешность. Но как только наследный принц это произнес, взгляды всех мгновенно устремились на него.

Брови Дань Чао чуть дрогнули.

На самом деле, у Дань Чао смуглая кожа, резкие черты лица, подтянутое телосложение, и хотя он был одет лишь в грубую монашескую одежду, от него веяло молчаливой, аскетичной и твердой аурой, совершенно непохожей на наследного принца.

Но если смотреть только на брови и глаза, то эти густые, слегка приподнятые мечообразные брови и прямой нос действительно имели сходство процентов на пятьдесят-шестьдесят.

— М-м? Если бы Ваша Светлость не сказал, я бы не заметил, но действительно есть некоторое сходство, — удивился пурпурноодетый мужчина средних лет, сидевший ниже наследного принца. — Осмелюсь спросить, наставник Синь Чао, вы столичный уроженец? Ваша родовая вотчина...